

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ
МОЛОДЕЖНОГО ЛИДЕРСТВА
В РОССИЙСКИХ УСЛОВИЯХ: РЕЗУЛЬТАТЫ
МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ***

О. В. Попова

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

В статье представлены результаты межрегионального эмпирического исследования, проведенного коллективом ученых под руководством автора данной публикации. Одна из задач исследования заключалась в сравнительной оценке потенциала молодежного политического лидерства с точки зрения выявления установок молодежи. Методические параметры выборки и метод сбора информации обеспечили репрезентативность, надежность и точность данных. Используя достаточно традиционный аналитический инструментарий — одномерное и двумерное распределение признаков, расчет стандартизованных остатков, корреляционный анализ, вычисление новой переменной, — автор показывает сходство и отличие установок молодежи Санкт-Петербурга, Новосибирска, Ленинградской области и Алтайского края по следующим параметрам: статусные характеристики молодежных лидеров; наиболее значимые ресурсы для реализации лидерства; наиболее важные функции молодежных лидеров; их роль в политической жизни страны и своего региона; возможности реализации потенциала молодежного лидерства в политической жизни страны; информированность об институционализированных формах реализации лидерского потенциала; готовность молодых людей создать молодежную общественную организацию, воспользоваться предлагаемыми ресурсами для участия в качестве кандидата в выборах локального или регионального уровней; потребность стать лидером в молодежной среде. На основе вычисления новой переменной автор дает оценку величины групп молодежи с разным уровнем лидерского потенциала, показывает особенности социально-демографических характеристик потенциальных молодежных лидеров в обследуемых регионах. Отмечаются линейный характер представлений молодежи о политической жизни в стране и своем регионе, склонность приписывать общие характеристики политическим процессам федерального и регионального уровней. Демонстрируются сходство и различие представлений молодежи о политическом лидерстве, о ее собственном потенциале для выполнения подобных функций в молодежной среде, предоставляемых политическим режимом и политической системой возможностей для реализации лидерского потенциала. Автор приходит к выводу об отсутствии жесткой дифференциации установок молодежи в исследованных регионах.

Ключевые слова: молодежь, молодежное лидерство, политический потенциал, Россия, регионы, молодежные общественные объединения, политическое влияние.

---

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 18-011-01184 «Потенциал молодежного политического лидерства в ходе политической социализации и циркуляции элит в российских регионах в 2010-е годы (на примере Юго-Западной Сибири и Северо-Запада РФ)».

Введение. Проблема политического потенциала лидерства молодежи относится к междисциплинарной области исследований в сферах политологии, социологии, психологии, педагогики; эта тема давно и прочно вошла в число наиболее активно изучаемых в науке вопросов. Тем не менее реалии современной политики настолько неоднозначно связаны с особенностями политического режима и настолько сильно влияют на этот значимый показатель состояния социума, что потребность в получении нового знания и анализе некоторых частных аспектов этой проблемы заставляет ученых вновь и вновь обращаться к данной теме.

Существует свыше двухсот определений категории «лидерство», однако среди полутора десятков используемых теорий лидерства (Allio, 2012; Dewan, Myatt, 2012) наиболее востребованными остаются теории лидерства как набора черт (Ahlquist, Levi, 2011), как функции группы, как функции ситуации (Antonakis, House, 2014), как эффективной коммуникации; сторонников находит также ценностная теория лидерства (Day et al., 2014; Котрухова, 2009, с. 55–56). Признавая основания статусной теории лидерства, большинство исследователей настаивают на том, что данный феномен основан на неформальном влиянии лидера (Котрухова, 2009, с. 55). Имеются различные трактовки лидерства в сфере политики (Vito, Higgins, Denney, 2014). В последнее десятилетие ученые предпринимают многочисленные попытки создать некую универсальную теорию лидерства, которая объединила бы как можно большее количество подходов. Например, американский политолог Дж. Най — младший объединяет теорию черт лидерства с теориями функции группы и функции ситуации, определяя лидерство как систему социальных отношений лидера и его сторонников, конфигурация которых задается контекстом (внешними условиями и целями группы) этого взаимодействия и приоритетом используемых инструментов — техники давления («жесткой силы») или привлекательности, умения склонять на свою сторону, компромиссности («мягкой силы») (Nye, 2008). Подобная трактовка вполне эффективно работает на уровне анализа лидерства в малой или средней социальной группах, но она не объясняет ситуацию, когда лидер оказывается способным менять системные характеристики существования группы. Кроме того, в этой теоретической модели не используется подход, который должен комплексно учитывать не только сущностные характеристики явления, но и факторы влияния на него, и эффекты изменений.

Лидерский потенциал традиционно относят к области психологии и определяют как совокупность психологических качеств конкретного индивида, позволяющих ему оказывать доминирующее влияние на членов своей группы, наиболее успешно агрегировать и реализовывать потребности сообщества, которое он представляет. Это «особое интегральное качество, которое обеспечивает и определяет эффективность осуществления какой-либо деятельности в данных объективных условиях в целях достижения авторитета через личностный и деловой ресурс» (Котрухова, 2009, с. 56).

Однако как только возникает необходимость анализа лидерского потенциала определенной социально-демографической группы с учетом предоставляемых социумом и государством возможностей или диктуемых ими ограничений

(Хозинов, 2016), исследователь должен пользоваться теоретическими наработками, инструментарием и результатами исследований в области политологии и политической социологии (Чентырева, Мороз, 2014). В полной мере это относится к исследованию ситуации в конкретном государстве, например в современной России (см., напр: Котрухова, 2009).

В рамках данной статьи мы будем понимать под политическим потенциалом молодежного лидерства *совокупность характеристик общества и государства, определяющих возможности данной социально-демографической группы использовать наличные средства и ресурсы для реализации своих интересов поддержания стабильности в развитии общества, реализации и защиты национальных интересов посредством активного включения в различные модели политической деятельности.*

Политический потенциал лидерства молодежи зависит не только от специфики политической системы государства, его политического режима, но и от особенностей политических традиций страны и конкретного региона, а также политической социализации и ресоциализации населения.

Цель данной статьи — оценка потенциала молодежного лидерства в четырех регионах России на основе данных эмпирического исследования¹.

В рамках статьи решены следующие эмпирические задачи, касающиеся региона проживания респондентов: выявлены массовые представления молодежи о сущности феномена «молодежное лидерство», задачах молодых лидеров, степени влияния молодых лидеров на политические процессы в стране и в регионе их проживания и созданных в России условиях для реализации лидерских задатков молодежи; дана оценка уровню информированности молодежи о возможности реализации лидерских качеств в различных институционализированных формах; выявлен лидерский потенциал (предрасположенность к проявлению лидерских качеств) молодежи Алтайского края, Ленинградской области, Новосибирска и Санкт-Петербурга. Акцент сделан на готовности самой молодежи брать на себя функции лидеров.

Каждый четвертый респондент (25,9 %) из числа опрошенных вообще не задумывался над вопросом, кто такой молодежный лидер, и не смог на него ответить (табл. 1).

Тем не менее в молодежной среде наиболее распространено представление о двух типах таких лидеров: о руководителях молодежных общественно-политических объединениях (29,7 %) и об активных политических блогерах (23,8 %). Во вторую по популярности группу образов молодежных лидеров вошли активисты общественно-политических объединений (19,0 %), молодые активисты

---

¹ Исследование проведено в сентябре — октябре 2018 г. Параметры выборки: объем — 1014 респондентов в возрасте от 14 до 30 лет, проживающих в Алтайском крае, Ленинградской области, Новосибирске и Санкт-Петербурге. Выборка квотная с контролем следующих параметров: пол, возраст, уровень образования, район проживания. Метод сбора информации — личное стандартизованное интервью.

Исследовательская группа: руководитель проекта — О. В. Попова (СПбГУ), С. Ю. Асеев (АлтГУ), Т. А. Асеева (АлтГУ), Д. А. Казанцев (АлтГУ), О. В. Лагутин (СПбГУ), Е. О. Негров (СПбГУ), Я. Ю. Шашкова (АлтГУ).

политических партий (18,5%), депутаты молодежных парламентов (18,2%), молодые руководители политических партий (16,7%). Реже всего встречается представление о молодежных лидерах как о молодых депутатах в представительных органах власти (11,7%).

Таблица 1. Представление молодежи, проживающей в четырех регионах Северо-Запада и Южной Сибири, о статусных характеристиках молодежных лидеров (%). Вопрос: «Кто, по вашему мнению, может быть назван молодежным политическим лидером?»

	Всего по выборке	Санкт-Петербург	Ленинградская область	Новосибирск	Алтайский край
Руководитель молодежного общественно-политического объединения	29,7	32,0	27,6	29,6	29,5
Депутат молодежного парламента	18,2	17,6	19,6	18,4	17,4
Молодой депутат представительных органов	11,7	10,8	14,0	11,6	10,6
Молодой руководитель политической партии	16,7	16,4	18,0	17,2	15,2
Активный политический блогер	23,8	28,4 +1,6*	25,2	23,6	18,2 -1,9
Активист общественно-политического объединения	19,0	22,4	17,6	17,2	18,9
Молодой активист политической партии	18,5	21,2	17,2	19,6	16,3
Затрудняюсь ответить	25,9	24,0	27,2	25,6	26,9

* Здесь и далее в таблицах первое число в ячейке — процент ответивших, второе — статистически значимый стандартизованный остаток.

Анализ показал, что во всех четырех исследованных регионах респонденты мыслят предельно схоже. Единственное заметное, статистически значи-

мое различие заключается в отношении к активным политическим блогерам в Санкт-Петербурге (28,4 %; статистически значимый стандартизованный остаток (далее — СЗСО) равен +1,6) и Алтайском крае (18,2%; СЗСО равен –1,9).

Наиболее значимым фактором, превращающим человека в политического лидера, молодежь четырех проанализированных регионов (табл. 2) считает его реальное влияние на политику (45,0%). Ко второй по значимости группе респонденты отнесли наличие большого числа единомышленников (33,9%) и политическую активность индивида (31,3%). Наконец, среди наименее значимых факторов формирования лидерства респонденты назвали наличие каких-то ресурсов, в том числе материальных, связей (15,9%), статус, занимаемую должность (12,9%) и известность (12,3%).

Таблица 2. Представление молодежи, проживающей в четырех регионах Северо-Запада и Южной Сибири, о наиболее значимых ресурсах молодежных лидеров (%). Вопрос: «Что в первую очередь, с вашей точки зрения, делает человека политическим лидером?»

	Всего по выборке	Санкт-Петербург	Ленинградская область	Новосибирск	Алтайский край
Его статус, занимаемая должность	12,9	10,0	16,8	10,8	14,0
Наличие большого числа единомышленников	33,9	46,8 +3,5	34,4	25,5 –2,4	29,5
Реальное влияние на политику	45,0	48,0	44,4	35,6 –2,2	51,5 +1,6
Политическая активность	31,3	36,8 +1,6	34,0	17,2 –4,0	36,7 +1,6
Наличие каких-то ресурсов, в том числе материальных, связей	15,9	18,0	20,8 +2,0	6,0 –3,9	18,6
Известность	12,3	19,2 +3,1	21,2 +4,0	2,0 –4,7	7,2 –2,4

Определенные различия в понимании природы молодежного лидерства и формирующих его факторов у молодежи в регионах подтверждены статистически. Так, молодежь в Санкт-Петербурге обращает особое внимание на наличие большого числа единомышленников (46,8%; СЗСО равен +3,5), политическую активность лидера (36,8%; СЗСО равен +1,6) и его известность (19,2%; СЗСО равен +3,1). Для молодежи из Ленинградской области наряду с извест-

ностью (21,2%; СЗСО равен +4,0) наиболее важно наличие каких-то ресурсов, в том числе материальных, связей (21,2%; СЗСО равен +2,0). Для респондентов из Алтайского края особо значимы реальное влияние лидера на политику (51,5%; СЗСО равен -1,6) и его политическая активность (36,7%; СЗСО равен +1,6), но менее значима его известность (7,2%; СЗСО равен -2,4).

Наибольшие отклонения от средних значений по выборке продемонстрировали молодые респонденты из Новосибирска. Если в отношении значимости статуса молодежного лидера они высказались почти так же, как респонденты из других регионов (10,8%), то другие факторы формирования лидерства кажутся молодежи из Новосибирска менее значимыми, чем для молодежи из других регионов (СЗСО равны -2,2, -2,4, -4,0, -3,9 и -4,7). Так, реальное влияние на политику отметили только 35,6%, наличие большого числа единомышленников — 25,5%, политическую активность — 17,2%, наличие каких-то ресурсов, в том числе материальных, связей — 6,0%, известность — 2,0%.

Молодежь вменяет в обязанность своим лидерам прежде всего выражение интересов своей социально-демографической группы (52,7%) (табл. 3). Ко второй по значимости обязанности молодежных лидеров они относят формулирование политических идей/программ (32,3%), объединение молодежи (29,7%), разрешение конфликтов (26,5%), самореализацию (24,2%). Наименее значимая в глазах молодежи функция лидеров своей группы — мобилизация молодежи (17,6%). Каждый девятый не смог определиться по данному вопросу (11,5%). Респонденты из Новосибирска дали ответы на вопрос о приоритетных задачах молодежных лидеров максимально схоже с результатами всей выборки. Молодежь из Алтайского края в большей степени, чем респонденты из других регионов, отмечает способность лидеров выразить интересы своей группы (62,5%; СЗСО равен +2,2), молодежь из Санкт-Петербурга — мобилизацию молодежи (22,0%; СЗСО равен +1,7). Для молодежи из Ленинградской области в меньшей степени, чем для жителей других регионов, актуальны выражение лидерами интересов молодежи (39,6%; СЗСО равен -2,8) и их способность к формулированию политических идей/программ (26,4%; СЗСО равен -1,7).

Молодежь очень скептически относится к влиянию лидеров из своей среды на политику в стране. Так, 17,9% убеждены, что они вообще никакого влияния оказать не могут и не оказывают, 41,7% признают его очень незначительным (табл. 4). Только 20,5% (каждый пятый респондент) признали роль молодежных лидеров заметной, 6,0% — большой; 13,6% респондентов не смогли сказать что-либо определенное. Самые большие скептики в оценке политической роли молодежных лидеров в стране — молодежь из Санкт-Петербурга и Ленинградской области: 22,8% (СЗСО равен +1,9) и 24,0% (СЗСО равен +2,3) респондентов из данных регионов заявили, что этой роли нет вообще. Наиболее оптимистично настроены в этом вопросе респонденты из Новосибирска, где 30,0% (СЗСО равен +3,3) оценили эту роль как заметную.

Вопрос о роли молодежных лидеров в регионе (табл. 5) вызвал у респондентов большие затруднения, чем аналогичный вопрос в масштабе страны. Так, 23,2% респондентов не смогли сказать что-либо определенное; 21,4% отрицают какое-либо влияние молодежных лидеров на политические процессы

Таблица 3. Представление молодежи, проживающей в четырех регионах Северо-Запада и Южной Сибири, о наиболее важных функциях молодежных лидеров (%). Вопрос: «Какие задачи, на ваш взгляд, должны решать молодежные политические лидеры в регионе?»

	Всего по выборке	Санкт-Петербург	Ленинградская область	Новосибирск	Алтайский край
Выражение интересов молодежи	52,7	49,6	39,6 -2,8	58,4	62,5 +2,2
Мобилизация молодежи	17,6	22,0 +1,7	14,8	18,0	15,5
Объединение молодежи	29,7	28,0	34,8	25,6	30,3
Формулирование политических идей/программ	32,3	36,8	26,4 -1,7	35,2	31,1
Разрешение конфликтов	26,5	27,6	30,8	22,8	25,0
Самореализация	24,2	24,4	27,6	24,4	20,5
Затрудняюсь ответить	11,5	13,2	14,4	9,6	9,1

Таблица 4. Представление молодежи, проживающей в четырех регионах Северо-Запада и Южной Сибири, о роли молодежных лидеров в политической жизни страны (%). Вопрос: «Как вы думаете, насколько большую роль играют молодежные политические лидеры в современной российской политике?»

	Всего по выборке	Санкт-Петербург	Ленинградская область	Новосибирск	Алтайский край
Большая роль	6,0	2,8 -2,1	6,0	7,6	7,6
Заметная роль	20,5	17,6	13,6 -2,4	30,0 +3,3	20,8
Незначительная роль	41,7	43,2	45,6	36,8	41,3
Вообще никакой роли не играют	17,9	22,8 +1,9	24,0 +2,3	12,8 -1,9	12,1 -2,2
Затрудняюсь ответить	13,9	13,6	10,8	12,8	18,2 +1,9
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Таблица 5. Представление молодежи, проживающей в четырех регионах Северо-Запада и Южной Сибири, о роли молодежных лидеров в политической жизни своего региона (%). Вопрос: «Какую роль играют молодежные политические лидеры в вашем регионе?»

	Всего по выборке	Санкт-Петербург	Ленинградская область	Новосибирск	Алтайский край
Большая роль	3,9	2,0	4,4	4,0	5,3
Заметная роль	14,8	15,6	7,6 -3,0	21,2 +2,6	14,8
Незначительная роль	36,7	37,2	35,6	35,6	38,3
Вообще никакой роли не играют	21,4	20,8	32,8 +3,9	14,8 -2,3	17,4
Затрудняюсь ответить	23,2	24,4	19,6	24,4	24,2
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

в масштабах своего субъекта Федерации; 36,7% признают его крайне незначительным. Только 14,8% заявили о заметной роли, 3,9% — о большой роли. Молодежь в Санкт-Петербурге и Алтайском крае дает оценки, схожие с результатами ответов на этот вопрос в целом по выборке. Наиболее скептически в этом вопросе настроена молодежь из Ленинградской области (32,8% (СЗСО равен +3,9) убеждены, что лидеры из среды молодежи вообще никакой роли в регионе не играют), наиболее оптимистично — молодежь из Новосибирска (21,2% (СЗСО равен +2,6) от подгруппы думают, что молодежные лидеры играют в политике региона заметную роль).

Молодежь мыслит достаточно линейно в отношении политических процессов на уровне регионов и всей страны в целом (об этом свидетельствуют и расчет стандартизованных остатков при вычислении статистики хи-квадрат (табл. 6), и результаты корреляционного анализа). Коэффициент корреляции Пирсона для таблицы сопряженности оценки роли молодежных политических лидеров в стране и на уровне региона равен +0,620, Спирмена — +0,606.

Результаты опроса показали наличие раскола в представлениях молодежи о том, созданы ли в стране необходимые и достаточные условия для реализации потенциала политического лидерства молодежи (табл. 7). Так, 16,2% не смогли вообще ответить на этот вопрос; 13,5% дали категорический отрицательный ответ; 29,0% выбрали вариант ответа «скорее нет»; 6,4% респондентов убеждены, что в стране такие возможности у молодежи есть; 34,9% с известной степенью осторожностью ответили также положительно (вариант ответа «скорее да»). Примечательно, что наиболее скептическими оказались респонденты из Санкт-Петербурга (37,2% (СЗСО равен +2,4) выбрали вариант от-

вета «скорее нет») и Ленинградской области (20,8 % (СЗСО равен +3,1) выбрали вариант ответа «нет»). Молодежь из Новосибирска в большей степени, чем респонденты из других анализируемых территорий, затрудняется с ответом на этот вопрос (22,4 % от подгруппы; СЗСО равен +2,4), а респонденты из Алтайского края — демонстрируют устойчивый оптимизм (9,1 % от подгруппы ответили «да»; СЗСО равен +1,7).

Таблица 6. Представление молодежи о роли молодежных политиков в российской политике и регионе проживания (%)

		Роль молодежных политических лидеров в регионе проживания респондента					
		Большая роль	Заметная роль	Незначительная роль	Вообще никакой роли не играют	Затрудняюсь ответить	Всего
Роль молодежных политических лидеров в современной российской политике	Большая роль	2,8 +16,5	1,5 +2,0	1,2 -2,2	0,1 -3,3	0,5 -2,4	6,0
	Заметная роль	1,1	9,8 +12,3	5,6 -2,2	0,9 -5,3	3,2 -2,3	20,5
	Незначительная роль	0,0 -4,1	3,2 -3,9	25,8 +8,6	6,6 -2,5	6,1 -3,6	41,7
	Вообще никакой роли не играют	0,0 -2,7	0,1 -5,0	3,2 -4,2	12,9 +14,8	1,7 -3,9	17,9
	Затрудняюсь ответить	0,1 -1,9	0,3 -3,9	0,9 -5,9	0,9 -3,9	11,7 +15,1	13,9
	Всего	3,9	14,8	36,7	21,4	23,2	100,0

Российские исследователи акцентируют возможности институционализации «лидерства молодых людей в рамках малой группы, а также молодежной организации на уровне всей совокупности молодежи» (Хозинов, 2016, с. 79–80). Наше исследование показало, что сформированные в России институты представляют хорошие возможности реализации потенциала молодежного лидерства в социальных движениях, политических объединениях этой социально-демографической группы, институтов гражданского общества структур при органах власти и т. д. (молодежных политических организациях при политических партиях, молодежных коллегиях при губернаторе, молодежных общественных палатах, молодежных парламентах, молодежных общественно-политических организациях, молодежных избирательных комиссиях, клубах молодых избирателей, студенческих отрядах).

Достаточно печальна картина информированности молодежи российских регионов о структурах, институтах и движениях, в которых они могут принять

участие в качестве рядовых членов, активистов или лидеров (табл. 8). Так, 45,4% опрошенных признались, что ни о каких подобных формах в регионе проживания ничего не знают. Ниже средних значений по выборке этот показатель у молодежи из Новосибирска (38,4%, но это все равно очень много), значительно выше — у респондентов из Ленинградской области (57,2%). Во втором случае объяснение достаточно очевидно: большинство активных молодых людей уезжают работать или учиться в Санкт-Петербург.

Таблица 7. Представление молодежи, проживающей в четырех регионах Северо-Запада и Южной Сибири, о возможностях реализации потенциала молодежного лидерства в политической жизни страны (% по столбцам). Вопрос: «Как вы думаете, есть ли в современной России условия для развития молодежного политического лидерства?»

	Всего по выборке	Санкт-Петербург	Ленинградская область	Новосибирск	Алтайский край
Да	6,4	3,6 -1,8	4,8	8,0	9,1 +1,7
Скорее да	34,9	36,0	28,0 -1,8	38,0	37,5
Скорее нет	29,0	37,2 +2,4	28,8	21,2 -2,3	28,8
Нет	13,5	11,6	20,8 +3,1	10,4	11,4
Затрудняюсь ответить	16,2	11,6 -1,8	17,6	22,4 +2,4	13,2
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Методически вопрос о структурах был представлен как вопрос-ловушка; набор институтов гражданского общества, связанных с представительством молодежи и взаимодействием с органами государственной власти регионального уровня в субъектах Федерации, где проводился опрос, отличается. Так, в Законодательное собрание Санкт-Петербурга предложение об организации молодежного парламента было внесено, однако молодежный парламент на момент проведения опроса не был создан и не действовал. Вместе с тем это не помешало 11,2% респондентов из Санкт-Петербурга заявить, что они знают о таком институте. Уровень информированности о работе действительно существующих в этих регионах молодежных парламентах различается существенно; в Алтайском крае (31,1%) он выше, чем в Новосибирске (23,2%) и Ленинградской области (10,8%).

Молодежная коллегия при губернаторе Санкт-Петербурга действительно существует, но об этом знают только 15,6% респондентов. Аналогичный орган гражданского общества в Ленинградской области называется иначе — Моло-

дежный совет при губернаторе, но на название «молодежная коллегия» откликнулись 8,4% респондентов из Ленобласти.

Таблица 8. Уровень информированности молодежи, проживающей в четырех регионах Северо-Запада и Южной Сибири, о наличии институтов, в которых может быть проявлено молодежное лидерство (%). Вопрос: «Какие молодежные структуры существуют в вашем регионе?»

	Всего по выборке	Санкт-Петербург	Ленинградская область	Новосибирск	Алтайский край
Молодежный парламент	19,2	11,2	10,8	23,2	31,1
Молодежная общественная палата	7,5	9,6	8,0	4,0	8,3
Молодежная коллегия при губернаторе	7,7	15,6	8,4	5,2	1,9
Молодежные политические организации при политических партиях	17,4	23,6	13,6	16,8	15,5
Молодежные общественно-политические организации	20,1	27,2	20,4	22,4	11,0
Студенческие отряды	38,3	33,2	22,0	48,0	49,2
Молодежные избирательные комиссии	10,5	7,2	4,8	20,8	9,1
Клубы молодых избирателей	7,4	4,8	4,4	8,0	12,1
Затрудняюсь ответить	45,4	44,8	57,2	38,4	41,3

Уровень информированности о работе молодежных общественных палат крайне низок во всех анализируемых субъектах Федерации (от 4 до 9%). Уровень информированности о клубах молодых избирателей также очень невысок — 7,4%, но здесь наблюдается существенный разброс в показателях регионов Северо-Запада (в Санкт-Петербурге — 4,8% и Ленинградской области — 4,4%) и Южной Сибири (в Алтайском крае — 12,1%, в Новосибирске — 8,0%).

О работе молодежных общественно-политических организаций в своем регионе информирован только каждый пятый представитель группы (20,1%), при этом показатели информированности в конкретных регионах различаются существенно: в Санкт-Петербурге — 27,2%, в Ленинградской области — 20,4%, в Алтайском крае — 11,0%, в Новосибирске — 22,4%.

Занятный разброс наблюдается в показателях информированности молодежи о работе молодежных избирательных комиссий. В целом по выборке о них знают 10,5% респондентов, но если для Новосибирска этот показатель составляет 20,8%, то для Алтайского края — уже только 9,1%, для Санкт-Петербурга — 7,2%, а для Ленинградской области — 4,8%.

Студенческие отряды, пожалуй, наиболее известная для молодежи форма общественной/гражданской активности, о которой знают 38,3% респондентов. Но и в этом случае уровень информированности молодежи в различных регионах отличается существенно: в Санкт-Петербурге — 33,2%, в Ленинградской области — 22,0%; почти половина — в Алтайском крае (49,2%) и Новосибирске (48,0%).

Информированность молодежи о молодежных политических организациях при политических партиях (17,4% в среднем по выборке знают об их деятельности), безусловно, связана с позицией самих региональных отделений политических партий, их готовностью сотрудничать с молодежью и готовить партийные кадры. Наилучшим образом ситуация обстоит в Санкт-Петербурге, где почти каждый четвертый (23,6%) знает о деятельности молодежных политических организаций при партиях, в остальных обследуемых регионах о таких структурах осведомлен только каждый шестой — восьмой: в Ленинградской области — 13,6%, в Алтайском крае — 15,5%, в Новосибирске — 16,8%.

Важным показателем наличия потенциала лидерских качеств в сфере политики является готовность/желание создать и, соответственно, возглавить молодежную общественно-политическую организацию (табл. 9). В целом только каждый девятый демонстрирует на вербальном уровне готовность сделать это (10,7%); респонденты из Новосибирска в большей степени готовы к этому (14,0%; СЗСО равен +1,6), однако и более, чем молодежь из других регионов, затрудняются с ответом (28,0%; СЗСО равен +2,9).

Хотя потенциальная готовность проявить свои лидерские качества в конкретном деле — создании молодежной организации — оказалась очень невысока (менее 11%), желающих воспользоваться возможностями занять определенную статусную должность, предоставляемыми политическими акторами, оказалось почти в три раза больше.

В табл. 10 представлены ответы респондентов на вопрос о своей готовности участвовать в качестве кандидатов в выборах локального или регионального уровней, если им будут представлены все технические, материальные, организационные и информационные возможности. Суммарно только около 30% молодежи допускают такую возможность (вариант ответа «да» — 12,6%, вариант ответа «скорее да» — 17,5%). Несколько менее $\frac{2}{3}$ молодых респондентов ответили на этот вопрос отрицательно (вариант ответа «скорее нет» — 27,7%, вариант ответа «нет» — 34,4%). В целом распределение ответов по региональным подвыборкам гомогенно и соответствует общим показателям по выбор-

ке, за единственным исключением: респонденты из Новосибирска чуть более активно выбирали вариант ответа «скорее да» (22,0% от подвыборки; СЗСО равен +1,7).

Таблица 9. Готовность молодежи, проживающей в четырех регионах Северо-Запада и Южной Сибири, создать молодежную общественно-политическую организацию (%). Вопрос: «Хотели бы вы создать молодежную общественно-политическую организацию?»

	Всего по выборке	Санкт-Петербург	Ленинградская область	Новосибирск	Алтайский край
Да	10,7	10,0	7,6	14,0 +1,6	11,0
Нет	69,4	77,2	73,2	58,0 -2,2	69,3
Затрудняюсь ответить	19,9	12,8 -2,5	19,2	28,0 +2,9	19,7
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Таблица 10. Готовность молодежи, проживающей в четырех регионах Северо-Запада и Южной Сибири, участвовать в выборах в качестве кандидата при наличии организационных и финансовых возможностей и политическом покровительстве (%). Вопрос: «Если вам предложили бы участвовать в местных или региональных выборах в качестве кандидата, вы согласились бы?»

	Всего по выборке	Санкт-Петербург	Ленинградская область	Новосибирск	Алтайский край
Да	12,6	13,2	10,0	14,0	13,3
Скорее да	17,5	18,0	16,4	22,0 +1,7	13,6
Скорее нет	27,7	25,6	27,6	27,6	29,9
Нет	34,4	39,2	36,4	27,2 -1,9	34,8
Затрудняюсь ответить	7,8	4,0 -2,1	9,6	9,2	8,3
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Анализ ответов респондентов об их потенциальной готовности проявить свои лидерские качества в молодежной среде показал достаточно невысокий потенциал: только 8,4% заявили о своей безусловной готовности сделать это, 16,5% опрошенных респондентов высказались положительно, но не вполне уверенно; $\frac{2}{3}$ респондентов дали отрицательные ответы («скорее нет» — 30,8%, «нет» — 36,2%). Ответы респондентов из Ленинградской области и Алтайского края отличаются незначительно от средних значений по выборке. Единственное

статистически значимое отличие респондентов из Санкт-Петербурга — меньшие затруднения с ответом на этот вопрос (4,4%; СЗСО равен -2,1). В Новосибирске можно наблюдать раскол оценок респондентов: здесь больше доля и затрудняющихся с ответом (12,0% от подгруппы; СЗСО равен +2,1), и тех, кто однозначно готов взять на себя бремя лидерства в молодежной среде (11,6% от подгруппы; СЗСО равен +1,8). На основе ответов респондентов об их заинтересованности создать молодежную организацию, стать лидерами в молодежной среде или воспользоваться возможностью при наличии финансовой, организационной, инструментальной и технической поддержки стать кандидатами на местных или региональных выборах была вычислена новая переменная — потенциал политических лидерских качеств молодежи (табл. 11).

Таблица 11. Отношение молодежи, проживающей в четырех регионах Северо-Запада и Южной Сибири, к тому, чтобы проявить себя в качестве политического лидера в молодежной среде (%). Вопрос: «Хотели бы лично вы стать политическим лидером в молодежной среде?»

	Всего по выборке	Санкт-Петербург	Ленинградская область	Новосибирск	Алтайский край
Да	8,4	8,0	6,0	11,6 +1,8	8,0
Скорее да	16,5	17,2	12,8	20,4	15,5
Скорее нет	30,8	28,4	36,0	27,6	31,1
Нет	36,2	42,0	36,4	28,4 -2,0	37,9
Затрудняюсь ответить	8,2	4,4 -2,1	8,8	12,0 +2,1	7,6
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Однако для проверки надежности новой вычисленной переменной и полученных распределений по подгруппам дополнительно был проведен корреляционный анализ готовности молодежи с различным уровнем лидерского потенциала взять на себя различные роли в работе молодежной политической организации (табл. 12). Коэффициенты корреляции оказались статистически значимыми (коэффициент Пирсона равен -0,448, а коэффициент Спирмена равен -0,417); чем выше потенциал лидерских качеств, тем меньше желание молодежи не участвовать в работе такой организации или в лучшем случае оставаться в подобных структурах в качестве «массовки».

Итак, переменная «потенциал политического лидерства» вычислена на основании ответов респондентов о намерении стать политическими лидерами в молодежной среде, участвовать в местных или региональных выборах в качестве кандидатов, создать молодежную общественно-политическую организацию. Данные табл. 13 показывают, что в среднем по выборке лидерские ка-

чества полностью отсутствуют почти у $\frac{2}{3}$ молодежи (63,3%), низкий потенциал лидерства — у 15,3%. Только 7,5% обладают высоким потенциалом лидерских качеств, а у 13,9% этот потенциал можно оценить как средний.

Таблица 12. Готовность молодежи с различным уровнем лидерского потенциала участвовать в работе молодежной политической организации в различных ролях (% по строке)

	Руководитель	Активист	Рядовой участник	Сторонник	Не хотел бы ни в каком качестве	Затрудняюсь ответить	Всего
Лидерские качества отсутствуют	3,6 -6,8	13,4 -2,6	12,0	10,4	43,3 +4,6	17,3	100,0
Низкий потенциал лидерства	11,6	27,1 +2,8	11,0	11,0	25,2 -1,7	14,2	100,0
Средний потенциал лидерства	40,4 +8,8	21,3	7,1	11,3	10,6 -4,6	9,2 -1,8	100,0
Высокий потенциал лидерства	50,0 +8,7	27,6 +2,1	5,3	6,6	2,6 -4,6	7,9 -1,6	100,0
Всего	13,4	17,7	10,7	10,4	32,9	15,0	100,0

Таблица 13. Самооценка респондентами наличия у них лидерских качеств (%)

	Всего по выборке	Санкт-Петербург	Ленинградская область	Новосибирск	Алтайский край
Лидерские качества отсутствуют	63,3	63,6	65,2	57,2	67,0
Низкий потенциал лидерства	15,3	13,6	20,8 +2,2	14,0	12,9
Средний потенциал лидерства	13,9	15,6	10,0 -1,7	18,4 +1,9	11,7
Высокий потенциал лидерства	7,5	7,2	4,0 -2,0	10,4 +1,7	8,3
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Микроанализ комбинированных таблиц социально-демографических характеристик и распределения молодежи по подгруппам по показателю лидерского потенциала позволил выявить следующие статистически подтвержденные закономерности.

1. Юноши в большей степени склонны демонстрировать высокий потенциал лидерства, чем девушки (СЗСО для этих групп равны соответственно +1,8, -1,8).
2. Возраст и уровень образования не являются дифференцирующими факторами, связанными с уровнем потенциального лидерства молодежи.
3. Студенты вуза обладают более высокими показателями политического лидерства, чем другие группы (СЗСО равен +1,8).
4. Наиболее заметные статистически значимые отличия лидерского потенциала демонстрируют представители молодежи, доходы семей которых различаются существенно. Так, у 73,2% подгруппы представителей молодежи, средний доход на каждого члена семьи в месяц у которых достаточно низкий и находится в диапазоне между 10 000 и 15 000 руб., лидерские качества вообще отсутствуют (СЗСО для этой подгруппы равен +1,6); 19,8% подгруппы представителей молодежи, у которых средний доход на каждого члена семьи в месяц составляет 25 000–40 000 руб., обладают низким потенциалом лидерства (СЗСО для этой подгруппы равен +1,8); 18,6% подгруппы представителей молодежи, у которых средний доход является высоким и составляет свыше 40 000 руб. в месяц на каждого члена семьи, обладают средним показателем потенциала лидерства (СЗСО для этой подгруппы равен +1,7). При этом очень важно и показательно то, что высокий показатель потенциала лидерства у молодежи не связан с уровнем дохода. Таким образом, удалось зафиксировать схожие показатели потенциала высокого лидерства у представителей разных по доходу статусных групп.
5. Однако выводы п. 4 необходимо уточнить в связи с данными корреляции потенциала лидерства и статусной самооценки. Так, 23,1% подгруппы, относящей себя к высшему слою, одновременно обладают высоким потенциалом лидерства (СЗСО для этой подгруппы равен +2,9). Статусная самооценка связана не только с уровнем дохода, она фиксирует субъективное ощущение значимости людей, влияния группы, к которой относится респондент.
6. Несколько более высоким потенциалом лидерских качеств обладает молодежь из мегаполиса и областных центров. У 17,0% молодежи, проживающей в этих двух типах населенных пунктов, зафиксирован средний потенциал лидерских качеств (СЗСО для обеих этих подгрупп равны +1,9).

Результаты распределения по регионам молодежи с разным уровнем потенциала лидерских качеств весьма неожиданны.

Ответы молодых респондентов из Санкт-Петербурга (промышленный и культурный мегаполис) и Алтайского края (сельскохозяйственный регион) оказались схожими; статистически значимые стандартизованные остатки, которые зафик-

сировали бы заметное отклонение от средних значений по выборке, у двух указанных подгрупп отсутствуют. Это достаточно неожиданный и интересный показатель, поскольку он четко фиксирует, что тип экономического развития региона и характеристики лидерского потенциала молодежи в них сходны.

В Ленинградской области число потенциальных лидеров и лиц со средним потенциалом лидерских характеристик заметно меньше (4,0% (СЗСО равен -2,0) обладают высоким потенциалом лидерских качеств, 10,0% (СЗСО равен -1,7) — средним), чем по выборке в целом. Отчасти это объясняется тем, что Санкт-Петербург по отношению к соседнему региону, территориально его «обволакивающему», выполняет функцию «социального пылесоса», куда уезжают за будущими перспективами и более высоким качеством жизни наиболее харизматичные и амбициозные представители и представительницы социально-демографической группы молодежи.

Наконец, молодежь из Новосибирска продемонстрировала наличие более высокого потенциала лидерских качеств. Расчеты показали, что в этом регионе молодежь с высоким лидерским потенциалом составляет 10,4%, со средним — 18,4% (СЗСО для этих групп равны соответственно +1,7 и +1,9).

Закключение. Безусловно, следует согласиться с мнением тех исследователей, которые видят определенные ограничения для проявления молодежью качеств политического лидерства в самой организации политической системы и трансформации политического режима в нашей стране. Политическая жизнь в России препятствует «формированию институтов “снизу”, ставит барьеры институциональным инновациям молодежи, тем самым снижая доверие к политическим институтам и уровень вовлеченности в их функционирование со стороны молодого поколения» (Дерендяева, 2015, с. 3632). Вполне естественно, что все это проецируется и на уровень регионов.

Однако потенциал политического лидерства молодежи, безусловно, связан и с установками самих представителей этой социально-демографической группы. Проведенное межрегиональное исследование показало в целом невысокий потенциал политического лидерства у молодежи изученных территорий Российской Федерации — Санкт-Петербурга, Ленинградской области, Алтайского края и Новосибирска.

По ряду показателей различие установок молодежи в данных субъектах Федерации несущественно; это касается, в частности, представлений молодежи о том, кого следует считать лидером в молодежной среде, и о тех задачах, которые должны решать подобные люди. Вместе с тем определенные различия наблюдаются в представлениях молодежи о том, какую роль молодежные лидеры играют в политике в своем регионе и в стране в целом, каково влияние факторов, обеспечивающих возможность стать политическим лидером в молодежной среде, какие возможности предоставлены в России для развития молодежного политического лидерства.

Наконец, исследование показало определенные различия в потенциале политического лидерства представителей рассмотренной социально-демографической группы, проживающих в различных регионах России.

Литература

Дерендяева А.Д. Политическое лидерство в молодежной среде: факторы и мотивы, влияющие на уровень участия // Ломоносовские чтения на Алтае: фундаментальные проблемы науки и образования: сб. науч. статей междунар. конф. Барнаул: Алтайский гос. ун-т, 2015. С.3631–3636.

Котрухова Р.И. Эффективное лидерство и развитие лидерского потенциала современной молодежи // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2009. № 14 (152). Специальный выпуск. С.54–58. URL: <http://www.lib.csu.ru/vch/152/013.pdf> (дата обращения: 14.11.2018).

Хозинов Р.Р. Совершенствование механизма социальной легитимации молодежного лидерства // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического ун-та. Социально-экономические науки. 2016. № 2. С. 79–89.

Чентырева М.Н., Мороз И.А. Портрет лидера современной молодежи // Молодежный научный форум: Гуманитарные науки: электр. сб. ст. по мат-лам XIII междунар. студ. науч.-практ. конф. 2014. № 6 (13). С. 119–124. URL: [https://nauchforum.ru/archive/MNF_humanities/6\(13\).pdf](https://nauchforum.ru/archive/MNF_humanities/6(13).pdf) (дата обращения: 30.10.2018).

Ahlquist J. S., Levi M. Leadership: What it means, what it does, and what we want to know about it // Annual Review of Political Science. 2011. Vol. 14. P. 1–24.

Allio R. J. Leaders and leadership-many theories, but what advice is reliable? // Strategy & Leadership. 2012. Vol. 41, no. 1. P. 4–14.

Antonakis J., House R. J. Instrumental leadership: Measurement and extension of transformational-transactional leadership theory // The Leadership Quarterly. 2014. Vol. 25, no. 4. P. 746–771.

Day D. V. et al. Advances in leader and leadership development: A review of 25 years of research and theory // The Leadership Quarterly. 2014. Vol. 25, no. 1. P. 63–82.

Dewan T., Myatt D. P. On the rhetorical strategies of leaders: Speaking clearly, standing back, and stepping down // Journal of Theoretical Politics. 2012. Vol. 24, no. 4. P. 431–460.

Nye J. S. The Powers to Lead. Oxford: Oxford University Press US, 2008. 226 p.

Vito F. G., Higgins E. G., Denney S. A. Transactional and transformational leadership: An examination of the leadership challenge model // Policing: An International Journal of Police Strategies & Management. 2014. Vol. 37, no. 4. P. 809–822.

Попова Ольга Валентиновна — д-р полит. наук, канд. соц. наук, проф.;
o.popova@spbu.ru; pov_64@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 25 ноября 2018 г.;

рекомендована в печать: 24 декабря 2018 г.

Для цитирования: Попова О.В. Политический потенциал молодежного лидерства в российских условиях: результаты межрегионального исследования // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2018. Т. 14, № 4. С. 492–511. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu23.2018.403>

THE POLITICAL POTENTIAL OF YOUTH LEADERSHIP IN THE RUSSIAN CONTEXT: THE RESULTS OF INTERREGIONAL RESEARCH*

Olga V. Popova

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation;
o.popova@spbu.ru, pov_64@mail.ru

The article presents the results of interregional empirical research conducted by a team of scientists led by the author of this publication; one of the tasks of the research was to make a comparative assessment of the potential of youth political leadership in terms of identifying youth attitudes. Methodological parameters of the sample and method of collecting information ensured the representativeness, reliability and accuracy of data. By means of quite traditional analytical tools, such as one-dimensional and two-dimensional distribution of signs, calculation of standardized residues, correlation analysis, calculation of a new variable, the author shows the similarities and differences between the attitudes of young people in St. Petersburg, Novosibirsk, the Leningrad Region and the Altai Territory. The main parameters are: the status characteristics of youth leaders, the significant resources for the leadership, the most important functions of youth leaders, opportunities to realize the potential of youth leadership in the political life of the country, awareness of institutionalized forms of realization of leadership potential; the willingness of young people to create youth public organizations, to use the resources offered to participate as a candidate in local or regional elections; the need to become a leader in the youth environment. Based on the calculation of the new variable, the author has estimated the size of groups of young people with different levels of leadership potential and revealed the features of the socio-demographic characteristics of potential youth leaders in the regions surveyed. The author shows the similarities and differences in young people's ideas about political leadership, their own potential to perform such functions in the youth environment and the opportunities for the realization of leadership potential provided by the political regime and political system. The author concludes that there is no hard differentiation of the attitudes of young people in the studied regions.

Keywords: youth, youth leadership, political potential, Russia, regions, youth public associations, political influence.

References

- Ahlquist J. S., Levi M. Leadership: What it means, what it does, and what we want to know about it. *Annual Review of Political Science*. 2011, vol. 14, pp. 1–24.
- Allio R. J. Leaders and leadership-many theories, but what advice is reliable? *Strategy & Leadership*. 2012, vol. 41, no. 1, pp. 4–14.
- Antonakis J., House R. J. Instrumental leadership: Measurement and extension of transformational-transactional leadership theory. *The Leadership Quarterly*. 2014, vol. 25, no. 4, pp. 746–771.
- Chentyreva M. N., Moroz I. A. Portret lidera sovremennoi molodezhi [Portrait of a leader of modern youth]. *Molodezhnyi nauchnyi forum: Gumanitarnye nauki: elektr. sb. st. po mat. XIII mezhdunar. stud. nauch.-prakt. konf.* [Youth scientific forum: Humanities: electronic collection of articles on the materials of XIII international student scientific-practical conference]. 2014, no. 6 (13), pp. 119–124. Available at: [https://nauchforum.ru/archive/MNF_humanities/6\(13\).pdf](https://nauchforum.ru/archive/MNF_humanities/6(13).pdf) (accessed: 30.10.2018).
- Day D. V. et al. Advances in leader and leadership development: A review of 25 years of research and theory. *The Leadership Quarterly*. 2014, vol. 25, no. 1, pp. 63–82.

---

* The publication was prepared in the framework of the scientific project No. 18-011-01184 supported by the Russian Foundation for Scientific Research "The Potential of Youth Political Leadership in the Course of Political Socialization and Circulation of Elites in Russian Regions in the 2010s (Case Study of South-Western Siberia and North-West Russia)".

Derendayeva A. D. Politicheskoe liderstvo v molodezhnoi srede: faktory i motivy, vliiaushchie na uroven' uchastiia [Political Leadership in the Youth Environment: Factors and Motives Influencing the Level of Participation]. *Lomonosovskie chteniia na Altae: fundamental'nye problemy nauki i obrazovaniia: sb. nauch. statei mezhdunar. konf.* Barnaul, Altaiskii gosudarstvennyi universitet Publ., 2015, pp. 3631–3636. (In Russian)

Dewan T., Myatt D. P. On the rhetorical strategies of leaders: Speaking clearly, standing back, and stepping down. *Journal of Theoretical Politics*. 2012, vol. 24, no. 4, pp. 431–460.

Khozinov R. R. Sovershenstvovaniye mekhanizma sotsial'noy legitimatsii molodezhnogo liderstva [Improving the mechanism of social legitimization of youth leadership]. *Vestnik Permskogo nacional'nogo issledovatel'skogo politehnicheskogo un-ta. Social'no-e'konomicheskie nauki* [Vestnik of Perm national research Polytechnic University. Social and economic sciences]. 2016, no. 2, pp. 79–89.

Kotrukhova R. I. Effektivnoe liderstvo i razvitie liderskogo potentsiala sovremennoi molodezhi [Effective leadership and development of the leadership potential of modern youth]. *Vestnik Chelyabinskogo gos. un-ta* [Bulletin of Chelyabinsk State University]. 2009, no. 14 (152), pp. 54–58. (In Russian)

Nye J. S. *The Powers to Lead*. Oxford, Oxford University Press US, 2008. 226 p.

Vito F. G., Higgins E. G., Denney S. A. Transactional and transformational leadership: An examination of the leadership challenge model. *Policing: An International Journal of Police Strategies & Management*. 2014, vol. 37, no. 4, pp. 809–822.

Received: November 25, 2018

Accepted: December 24, 2018

For citation: Popova O. V. The Political Potential of Youth Leadership in the Russian Context: the Results of Interregional Research. *Political Expertise: POLITEX*, 2018, vol. 14, no. 4. pp. 492–511. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu23.2018.403> (In Russian)